

К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова

Е. М. СЕНЧЕНКОВА

О НЕИЗВЕСТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Статья знакомит с обстоятельствами рецензирования, обсуждения и рекомендации к печати рукописи Ф. Г. Фокеля о лесах северо-запада России (1752). Книга была опубликована в 1766 г., т. е. после кончины ее автора и рецензента, и открывалась анонимным предисловием. В статье приведен ряд доводов в пользу того, что автором данного предисловия был М. В. Ломоносов, при этом затронуты вопросы, связанные с другими анонимными публикациями, вошедшими в полное собрание сочинений Ломоносова. Особо подчеркнута гражданская позиция Ломоносова в отношении использования научных изысканий в интересах Отечества.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, Ф. Г. Фокель, Санкт-Петербургская академия наук, лесоводство, авторство.

Изучение жизни и творчества первого отечественного академика по естественным наукам Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) насчитывает уже более двух веков. После его кончины четырежды публиковались собрания сочинений и другие сборники, содержащие его труды, а также многие иные издания с различными материалами, связанными с жизнью и деятельностью этого ученого. Несмотря на это пока выявлены еще не все такие материалы, о чем свидетельствует хотя бы обнаружение в 1960-х гг. некоторых архивных документов и большей части библиотеки Ломоносова с его пометками на ряде книг в Хельсинкском университете.

Согласно авторам, высоко оценившим эти находки как создающие более полное представление о творчестве Ломоносова, они могли бы «назвать и другие адреса, где надлежит вести поиски научного наследия великого ученого». По их мнению, следует быть более внимательными к подобным находкам, так как «порой даже наши современники видели их, не подозревая, кому они принадлежат»¹. Ныне, к 300-летию со дня рождения «нашего первого университета», данная публикация подтвердит обоснованность такого мнения.

Для начала обратимся к протоколу Конференции Санкт-Петербургской академии наук от 4 мая 1752 г., где записано, что в присутствии профессоров М. В. Ломоносова, С. П. Крашенинникова, Г. В. Рихмана, А. Н. Гришова и Н. И. Попова, адъюнта М. Клейнфельда и архивариуса Канцелярии И. И. Стафенгагена по велению

Ее Императорского Величества предлагалось подвергнуть обсуждению труд лесничего Фокеля Лесоводство России (в протоколе, составленном на латинском языке, значится как *Saltuarii Fockelii. Silviculturam Rus-*

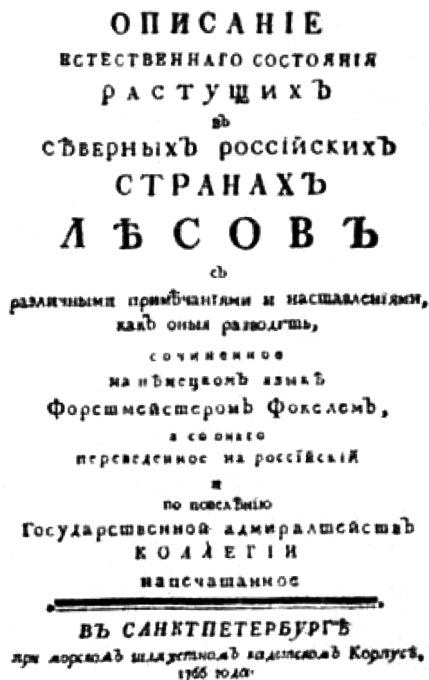
¹ Кулябко Е. С., Бешенковский Е. Б. Судьба библиотеки и архива М. В. Ломоносова. М., 1975. С. 7.

siae. – E. C.) и сказать, пригодно ли оно для изучения учащимися, и что они из этого трактата извлекут для себя поучительного. После того как это Лесоводство уже было принято высокочтимыми академиками Ломоносовым и Крашенинниковым и ими исследовано, он (т. е. Фокель. – E. C.) также передал вышеуказанному собранию свое мнение.

Ввиду этого высокочтимые академики согласно постановили в соответствии с мнением Ломоносова и Крашенинникова указанное Лесоводство не только принять для обучения этой науке учеников, но и признать его достойным быть изданным (курсив мой. – E. C.)².

Недавно удалось установить, что автор обсуждаемой рукописи «лесной знатель» Фердинанд Габриель Фокель (*F. G. Vockell*, ?–1753) был приглашен в Россию из Гамбурга в 1727 г. на основании Сенатского указа Петра I от 1726 г. Как более опытный по сравнению с двумя другими приехавшими с ним коллегами он был оставлен форстмейстером, т. е. ученым лесоводом, в столичном Адмиралтействе. После службы в лесах на берегах Эльбы княжества Брауншвейгского Фокель должен был обследовать и описывать пригодные для кораблестроения леса северо-запада России, содержать и охранять их не только как в Германии, но и «буде много лучше». При этом следовало также умножать корабельные леса посевом желудей, высаживать молодые дубки, очищать корабельные деревья от сучьев, определять время их заготовки, пути сплава и т. п.

По истечении срока договора в 1734 г. Фокель не уехал в Германию, а остался служить России до конца жизни. Свой 25-летний опыт работы в российских лесах он подытожил в сочинении на немецком языке. Этот труд содержал подробное описание 15 древесных и 11 кустарниковых пород с использованием немецких, римских и шведских литературных источников. Описание сопровождалось изображением листьев описываемых растений, оно знакомило с условиями их произрастания и способами разведения, а также с их использованием для разных нужд, особенно для кораблестроения. Автор был уверен, что «государ-

Титульный лист книги Ф. Г. Фокеля
1766 года

² Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 г. по 1803 г.: в 4 т. СПб., 1897–1911. Т. 2. С. 270; Материалы для биографии Ломоносова / Сост. П. С. Билярский. СПб., 1865. С. 168.

ственный флот требует порядочного заведения лесов, постоянного содержания и всегдашнего своего приумножения»³.

Переложенный затем на русский язык, вероятно, самим автором, этот труд был представлен руководству Санкт-Петербургской адмиралтейской коллегии, которое обсудило его 8 апреля 1752 г. под условным названием «Собрание лесной науки». Коллегия усмотрела в представленном сочинении возможность его использования прежде всего учениками своего ведомства, обучавшимися лесному делу. Так как ранее в России не было никаких публикаций, связанных с лесоводством и дендрологией, кроме указов правительственного Сената, то было решено для более полной оценки этого труда в Сенат его и передать. В мемории, как тогда называли служебные записки, обращенные к начальству, оберфорстмейстер коллегии Борис Никитин, представлявший рукопись Фокеля, просил определить «нет ли в ней какого недостатка и к обучению форстмейстерской науки ученикам та книга в пользу служить может ли...»⁴.

Таким непростым путем из Сената, действующего от имени императрицы Елизаветы Петровны, рукопись Фокеля оказалась в Академии наук. Не исключено, что именно Елизавета могла рекомендовать в качестве одного из рецензентов этой рукописи Ломоносова. Еще ранее с ведома императрицы в 1747 г. ему был поручен перевод с немецкого языка на русский сельскохозяйственного руководства «Лифляндская экономия», с которым он успешно справился в тот же год.

И на этот раз, как следует из цитированного выше протокола от 4 мая 1752 г., высочайшее поручение было выполнено незамедлительно. При заслушивании мнения Ломоносова в протокол не было внесено никаких претензий к Фокелю. Однако Степан Петрович Крашенинников (1711–1755) как академик по ботанике сделал ряд замечаний о неточности данных по анатомии и систематике растений, на основании которых в протоколе записали:

Некоторые же места, как § 181, 182, 192 и др., которые не касаются задач, поставленных автором (т. е. Фокелем. – Е. С.) перед собой – описание деревьев, и поэтому считаются излишними, должны быть исключены, и его предупредили, чтобы он предъявил Академии немецкий текст рукописи для рассмотрения ее в русском переложении⁵.

На последнем замечании о необходимости сопоставления немецкого текста с его переводом на русский язык ниже остановимся особо. К замечаниям Крашенинникова полностью присоединился архивариус Стафенгаген, поставив под отзывом свою подпись и став его соавтором. В тех немногих случаях, когда в литературе встречается упоминание данного документа, всегда следу-

³ Цит. по: Редько Г. И., Редько Н. Г. История лесного хозяйства России. СПб.; М., 2002. С. 88.

⁴ Дело о переводе и напечатании книги форстмейстера Фокеля «Собрание лесной науки (о посадке лесов)». Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 212. Оп. 1. Д. 68. Л. 20; Д. 69. Л. 19.

⁵ Отзыв Крашенинникова и архивариуса Стафенгагена // Фокель Ф. Г. Собрание лесной науки. СПб.; Архангельск, 1996. С. 201.

ет разъяснение, что отзыв Крашенинникова с его критическими замечаниями по рукописи Фокеля сохранился в архиве Академии наук ⁶, «а вот заключения М. В. Ломоносова найти пока не удалось» ⁷.

После названного обсуждения в Академии наук труд Фокеля был опубликован лишь через 14 лет под пространным названием «Описание естественного состояния растущих в северных Российских странах лесов с различными примечаниями и наставлениями как оные разводить, сочиненное на немецком языке фортсмейстером Фокелем, а с оного переведенное на российский язык и по повелению государственной Адмиралтейств-коллегии напечатанное в Санкт-Петербурге при Морском шляхетском кадетском корпусе, 1766 года». К тому времени уже не было в живых ни его автора, ни обоих его рецензентов, а свое название, сходное с аннотацией, книга обрела благодаря тем, кто был причастен к ее изданию. Помимо основного текста в книгу было включено также некое безымянное вводное слово на четырех страницах без названия и пагинации, которое читатель мог воспринимать как предисловие автора или издательства.

Знакомство с документами, связанными с изданием этой книги и сохранившимися в Российском государственном архиве военно-морского флота в Санкт-Петербурге, позволило обнаружить написанное к ней предисловие Фокеля, которое завершалось словами:

Я воистину славы своей в том не ищу, но паче оное собрание выдам из всенижайшей преданности и на память России, ибо подобное сему не находится... ⁸

Вероятно, это было то самое «переданное вышеуказанному собранию мнение» автора обсуждавшейся рукописи, которое упоминалось выше в протоколе от 4 мая 1752 г. В том же архиве наряду с предисловием сохранилось также составленное Фокелем на восьми страницах по-немецки и по-русски «Приполнение во оправдание автору», т. е. дополнение с ответами на критические замечания рецензентов.

Судя по «покорнейшему рапорту» Фокеля от 6 июля 1752 г., доработанный текст своего труда вместе с приложенным к нему «Приполнением», а также отзывами рецензентов он передал руководству Адмиралтейства как доказательство учета им пожеланий, высказанных академической Конференцией, что было условием публикации его рукописи. Поскольку позже отзыв Крашенинникова был обнаружен в Архиве Академии наук, чего не случилось с отзывом Ломоносова, есть основания полагать, что последний был оставлен либо самим Фокелем, либо издателем для публикации этого отзыва вместе с представленной рукописью. Однако надеждам на публикацию всех этих материалов тогда же не довелось сбыться. Возможно, причиной тому стала скорая кончина Фокеля 21 марта 1753 г. Не исключены и финансовые трудности издателя, так как известно предписание об экономной трате средств на данное издание,

⁶ Архив РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1752. № 1.

⁷ Редько, Редько. История лесного хозяйства России... С. 92.

⁸ Предисловие Фокеля // Фокель. Собрание лесной науки... С. 192.

в частности, «чтоб излишеств в шрифте ставлено не было, дабы такая книга обошлась ценою дешевле»⁹. Ныне мы можем ознакомиться с суждением Фокеля о своем труде¹⁰ и названным «Приполнением» в приложении ко второму сокращенному изданию его книги, которая была напечатана под изначальным названием «Собрание лесной науки» (1996). Как и в первом издании, она открывается анонимным предисловием.

После того как в архиве было обнаружено предисловие автора книги, встал вопрос о том, кому же тогда принадлежит то безымянное вступительное слово, которое имелось в первом и сохранилось во втором ее издании и которое так не схоже по языку и стилистике с текстом предисловия Фокеля. Прежде всего, обращает на себя внимание, что вводный текст первого издания изначально был написан на русском языке и не мог быть переводом с другого языка, так как в противном случае, как это тогда было нередко, в конце публикации значилась бы фамилия переводчика. Из того же, насколько автор предисловия сопереживал нуждам России и разделял стремление «премудрого Государя и домостороителя оныя ПЕТРА великого» к устранению этих нужд¹¹, следует, что им был истинный россиянин. Ни один иностранец не позволил бы себе написать, что «Россию благословил Бог *лучше многих других земель*» (курсив мой. – Е. С.)¹². Уже из того, что сказано, напрашивается мысль, что этим анонимом мог быть Ломоносов – второй авторитетный рецензент рукописи по лесоводству, у которого, по существу, не было к ней значительных претензий, чему соответствовало и опубликованное, по его терминологии, «предызвещение»¹³ к этому сочинению.

Однако анонимность публикации не позволяет без дополнительных доказательств с полной уверенностью утверждать, что ее автором был именно Ломоносов. К тому же обсуждение рукописи от ее публикации отделял значительный период (1752–1766), за который мог появиться какой-либо иной рецензент, а Фокель, дороживший мнением Ломоносова, после своей кончины уже не мог влиять на выбор автора предисловия к книге. Попытаемся определить, кто же мог помимо Ломоносова выполнить функцию анонимного рецензента в отношении названного сочинения по лесоводству. В 1760-е гг. такого человека следовало искать, прежде всего, в Академии наук и, возможно, в Адмиралтейской коллегии, где служили «лесные знатели» – коллеги Фокеля. Ни в каких иных учреждениях, связанных с российским лесоводством, его не могло быть.

⁹ Дело о книгах и актах, напечатанных при корпусной типографии // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1753. Д. 22. Л. 41.

¹⁰ Предисловие Фокеля... 1996. С. 191–192.

¹¹ [Аноним (Ломоносов). Предисловие] // Фокель [Ф. Г.] Описание естественного состояния растущих в северных Российских странах лесов... СПб., 1766. С. 2; [Аноним (Ломоносов)]. Предисловие // Фокель. Собрание лесной науки... С. 61.

¹² Там же.

¹³ Ломоносов М. В. Письмо В. Н. Татищеву [1749] (1865) // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: в 11 т. М.; Л., 1950–1983. Т. 10. 1957. С. 461. В квадратных скобках указана дата написания, а в круглых скобках – год первого издания документа или иной публикации М. В. Ломоносова.

Из архивных документов известно, что после академического обсуждения сочинения Фокеля в 1752 г. оно десять лет не привлекало к себе никакого внимания. Лишь в начале октября 1762 г. в протоколе Петербургской адмиралтейской коллегии было записано, что «по исправлении погрешностей книга Фокеля [...] вновь отдана в Академию наук», чтобы затем «исправить ее в типографии шляхетского кадетского морского корпуса и напечатать»¹⁴. Заметим, что в то время книгой называли не только опубликованную монографию, но и подготовленную для издания монографическую рукопись. Судя по тому, что 21 октября 1762 г., т. е. через три с половиной месяца после восшествия на российский престол Екатерины II, от ее имени последовал указ Сената о печатании сочинения Фокеля, оно до этого предписания повторно побывало в Академии наук. Доработанная рукопись получила там одобрение и 23 октября вместе с означенным указом поступила в типографию коллегии.

Если в летописи жизни и творчества Ломоносова за май 1752 г. отмечено написание им отзыва на рукопись Фокеля и его зачитывание при обсуждении этой рукописи¹⁵, то за 1762 г. никаких подобных записей нет. Последнее означает, что нет нигде никаких документальных данных о проведении повторного обсуждения этой работы в Академии наук с участием Ломоносова. Согласно документам, в июле-августе 1762 г. ученый был болен, но в сентябре вновь приступил к своим обязанностям¹⁶ и в октябре продолжал работать как обычно. Вероятнее всего, никакого специального повторного обсуждения рукописи Фокеля в Академии наук по случаю второго монаршего распоряжения не потребовалось; прежнее решение об ее публикации было подтверждено, как ныне говорят, в рабочем порядке. Если бы такое обсуждение проводилось, тем более с назначением нового рецензента для оценки сочинения Фокеля, то оно в любом составе было бы отражено в академических протоколах¹⁷ и в соответствующих изданиях П. С. Биллярского¹⁸, А. А. Куника¹⁹ и «Летописи»²⁰.

Именно при повторном знакомстве с рукописью по лесоводству Ломоносов мог внести некоторую правку в свое первоначальное заключение о ней. В частности, тогда могли появиться слова, которых не могло быть в 1752 г.:

Одно только сожаления достойно, что книга сия напечатана после смерти сочинителя; ибо при помощи его можно бы было оную представить в лучшем совершенстве...²¹

¹⁴ Редько, Редько. История лесного хозяйства России... С. 26.

¹⁵ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.; Л., 1961. С. 196.

¹⁶ Там же. С. 380–381.

¹⁷ Протоколы заседаний Конференции Академии наук...

¹⁸ Материалы для биографии Ломоносова...

¹⁹ Куник А. А. Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке. Ч. 1–2. СПб., 1865.

²⁰ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова...

²¹ [Аноним (Ломоносов). Предисловие] // Фокель. Описание естественного состояния растущих в северных Российских странах лесов... С. 3; [Аноним (Ломоносов)]. Предисловие // Фокель. Собрание лесной науки... С. 61.

Эту приписку Ломоносов мог сделать и тогда, когда бывал в Адмиралтейской коллегии по долгу службы как глава Географического департамента АН. Так, 26 февраля 1765 г. он присутствовал на заседании коллегии при обсуждении исправленного им текста «Примерной инструкции морским командующим офицерам...»²², а 4 марта, т. е. ровно за месяц до своей кончины, участвовал в окончательном ее утверждении²³. У членов коллегии, относящихся с уважением к коллеге-академику, не было никаких оснований заменять его отзыв о сочинении Фокеля на заключение другого автора.

Однако если бы такая надобность в замене и возникла, удовлетворить ее вряд ли было возможно. Во-первых, после смерти Крашенинникова только Ломоносов как наиболее близкий его друг и коллега мог определить, в какой степени были учтены критические замечания, сделанные ими обоими как «высокопочтимыми академиками» при первом обсуждении работы Фокеля.

Во-вторых, Ломоносов с 1758 г. и до конца жизни возглавлял Географический департамент Академии наук, поэтому вопросы, связанные с учетом места расположения и эксплуатации лесных массивов, были в поле его зрения не только в силу личных интересов, но и по служебной обязанности.

В-третьих, Ломоносов до конца своей жизни часто воспринимался как единственный академический авторитет не только по сельскому хозяйству, но и по смежным ботаническим вопросам, хотя сам он себя таковым не считал. После кончины Крашенинникова на должность профессора ботаники и естественной истории был приглашен из Германии Иоганн Христиан Гебенштрейт (*J. Ch. Hebenstreit*, 1720–1795), который по причине болезни вскоре вернулся на родину вначале для временного лечения, а в 1759 г. остался там навсегда. Претендент на его место адъюнкт Иосиф Теофил Готлиб Кельрейтер (*J. T. G. Koelreuter*, 1733–1806) тоже не задержался в Петербурге. Поэтому Ломоносову порой приходилось выступать перед коллегами в качестве ботаника²⁴. Так, и в 1764 г. ему было поручено оценить опыты по выращиванию многостебельных форм ржи и пшеницы, проведенные главным специалистом дворцовых садов и парков Генрихом Якобом (Генрихом Яковлевичем) Эклебеном (*H. J. Ekleben*, ум. в 1778 г.). Будучи знатоком садоводства и огородничества, Эклебен в одном из парков у Летнего императорского дворца проводил опыты с растениями. В 1763 г. он посеял несколько полос ржи и пшеницы, как потом разъяснил Ломоносов, «на пробу искусства своего в размножении разного сева»²⁵.

Почти все высеянные зерна взошли, но не одиночными стеблями, как обычно, а в виде кустистых пучков со многими стеблями и колосьями. К периоду созревания урожая растения ржи дали урожай от одного зерна, равный 39,994 и 44,793 г, а в случае с пшеницей от одного зерна – 33,062 г. Результаты опытов Эклебена были доведены до Екатерины II, которая,

²² Ломоносов М. В. Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток Северным Сибирским океаном [1765] (1848) // Ломоносов. Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 519–535.

²³ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова... С. 417–418.

²⁴ Там же. С. 260, 411.

²⁵ [Ломоносов М. В.] Заметка об опытных посевах ржи и пшеницы, произведенных садовником Г. Я. Эклебеном [1764] (1764) // Полное собрание сочинений... Т. 9. 1955. С. 386.

оказав о сем свое удовольствие, повелеть изволила учинить сего большие опыты с вящим рачением и рассмотрением для изыскания способов, не возможно ли такового размножения производить в знатном количестве для общей пользы ²⁶.

Исполнить распоряжение императрицы было поручено Ломоносову, который ознакомился с опытным участком Эклебена, с посевным материалом и освидетельствовал выращенные из них кустистые формы ржи и пшеницы.

Удостоверившись в том, что дворцовому садовнику действительно удалось получить из отдельных зерен многостебельные формы ржи и пшеницы со многими колосьями, Ломоносов в поисках объяснения данного факта обратился к немногим существовавшим тогда публикациям, связанным с этой темой. Помимо имевшихся у него некоторых книг по земледелию и садоводству он с помощью академической книжной лавки приобрел два разных издания брошюры Х. Я. Баумана «О строении и пользе турецкой пшеницы» (1757, 1762) и некоторые другие издания ²⁷. Судя по всему, ни в одном из источников ему не удалось получить ответ на интересующий его вопрос. Очевидно, в надежде на отклики земледельцев Ломоносов поместил анонимно в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 7 сентября 1764 г. заметку с сообщением результатов опытов Эклебена и со своим мнением о том, что «сей первый опыт доказывает, что и в наших северных краях натура в рассуждении хлеба плодovitее быть может старательным искусством» ²⁸. Нередко он и сам проводил ботанические изыскания, о чем свидетельствует ряд специальных публикаций ²⁹.

В-четвертых, при жизни Ломоносова, да и вскоре после его кончины, ни у кого не было никаких оснований для замены рецензента или написанного им отзыва, который к тому же отвечал монаршему соизволению как в 1752-м, так и в 1762 гг. Если бы у кого-либо после кончины Ломоносова и возникло желание скрыть его причастность к опубликованной книге, то проще было сделать ее предисловие анонимным, чем писать новый анонимный текст.

Однако попытаемся все же понять, кто в Академии наук кроме Ломоносова был в состоянии по своему положению и уровню знаний написать предисловие к названной книге. Из всех его коллег начала 1760-х гг. таким автором мог быть лишь доктор медицины с 1741 г. Иоганн Готтлиб Леман (*J. G. Lemann*, 1700–1767), который работал в близких с Ломоносовым областях естествознания. Оба они начинали свой академический путь с минералогии, затем занимались выяснением причин землетрясения, природой физико-химических процессов, пробирным искусством и пр., после чего оба от геологии перешли

²⁶ Там же. С. 387.

²⁷ Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его личной библиотеки. М.; Л., 1961. С. 195.

²⁸ [Ломоносов М. В.] Заметка об опытных посевах ржи и пшеницы... С. 387.

²⁹ Калмыков К. Ф. Ломоносов и науки о живой природе // Бюллетень МОИП. Отд. биологический. 1946. Т. 51. Вып. 3. С. 109–121; Мелехов И. С. М. В. Ломоносов и ботаника // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 6. С. 635–638; Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов как ботаник // Вестник АН СССР. 1950. № 9. С. 78–82.

к химии. Леман был приглашен в Россию в 1761 г. профессором химии для заведывания химической лабораторией Санкт-Петербургской академии наук. Позже он стал интересоваться почвоведением и лесным делом, возможно, не без влияния Ломоносова, с которым ему приходилось многократно контактировать³⁰.

Именно Леман был первым, кто после кончины Ломоносова уже в первые годы издания «Трудов Вольного экономического общества» (1765–1766) стал выступать по вопросам почвоведения и лесоводства, ранее ими не занимаясь. Так, в статье «О лесах» Леман старался рассеять сомнения о себе как дилетанте и призывал читателя не думать,

что я не за свое дело принимаюсь, и подаю мнение мое о лесах, но признаюсь, что почитаю за некоторую должность уведомить каждого упражняющегося в горных и рудокопных делах, в варении соли, квасцов, купороса и селитры, чтоб иметь и о лесах хотя малое знание, потому что такие фабрики и мануфактуры состоят в некоторой с лесами неразлучности³¹.

Словно подхватив эстафету от Ломоносова, в тех же «Трудах ВЭО» появился ряд публикаций Лемана на ту же тему. В его статьях «Как лучшим способом жечь из дров уголья», «О присмотре и сбережении лесов», «О разведении новых лесов», «О правильном и полезном употреблении лесов» давались практические рекомендации по всем названным вопросам, а также обращалось внимание на соответствие древесных пород определенным условиям местобитания.

Хотя статус и научные интересы обоих академиков во многом совпадали, все же Леман не мог подменить Ломоносова в составлении отзыва на труд Фокеля уже хотя бы потому, что после приезда в Россию он за шесть лет до конца своей жизни так и не овладел русским языком. Все его статьи в названных «Трудах ВЭО» публиковались в переводе на русский язык и с указанием фамилии их переводчиков. Прочитированный текст из его статьи «О лесах» даже в обработанном русском переводе несет на себе отпечаток тяжеловесного немецкого слога, так не похожего на стиль анонимного предисловия.

Следует иметь в виду, что в исходном регламенте Академии наук 1724 г. «совершение и умножение наук» значились лишь как самоцель. При обсуждении нового устава 1747 г. Ломоносову удалось добиться, чтобы в него была включена констатация более патриотичной цели академии: «...науки и художества [...] производить и к пользе отечества обращать» (курсив мой. — Е. С.), но в подтексте устава сохранился тезис об академиках как обязательно иностранцах, а адъюнктам у них «переводчиками служить». Ломоносову удалось лишь включить в п. 13 условие: «стараться, чтобы адъюнкты были все из русских». Кроме того, по его настоянию в п. 19 устава было внесено требование о ведении протоколов академических конференций «на латинском или российском языке, а французской и немецкой никогда употреблен быть там не должен», а в п. 46 появилась запись о ведении преподавания в академическом

³⁰ См.: Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова... С. 366, 367, 410 и др.

³¹ Леман И. Г. О лесах // Труды Вольного экономического общества. 1766. Ч. 3. С. 116.

университете на русском языке. Однако эти пункты устава не выполнялись. Не зная русского языка, академики продолжали читать лекции на латыни, и «Протоколы» академических конференций по-прежнему писались на латинском языке. Ломоносов не раз выражал недовольство порядками, царившими в Академии наук. Лишь в 1751 г. он смог добиться, чтобы русский язык проник в «Протоколы» конференций АН. Так как академические труды (диссертации) по-русски не печатались, ему также удалось организовать предъявление конференц-секретарем в конце каждого ноября русских переводов аннотаций этих трудов за год.

На академическом собрании в феврале 1756 г. при обсуждении проекта нового устава АН Ломоносов выступил с особым «Мнением» против действовавшего с 1747 г. пункта устава, запрещавшего пополнять академию русскими академиками. На сохранении этого пункта настаивали советник канцелярии академик Иоганн Каспар (Иван Иванович) Тауберт (*J. C. Taubertgaup*, 1717–1771) и его единомышленники, которые находились в подавляющем большинстве и потому смогли отстоять свою позицию. На собрании дискуссия настолько накалилась, что дело дошло до рукопашной схватки, а в протоколе появилась запись: «Отрешен был Ломоносов от присутствия в Профессорском собрании»³². Лишь после вмешательства фаворита императрицы Елизаветы Петровны графа Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797) – покровителя и мецената Ломоносова – президент Академии наук граф Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) отменил названное «отрешение», но запрет на доступ в ее стены русских академиков все же остался. В результате к началу 1760-х гг. академия состояла почти полностью из иностранцев, не владеющих русским языком и не приемлющих публикаций на этом языке. Поэтому в ряде служебных записок, например, в «Краткой истории о поведении Академической Канцелярии» (1764) Ломоносов особо обращал внимание на то, что академическая наука все еще не служит в должной мере интересам России³³. В итоге в Академии наук тех лет после кончины Крашенинникова не было за исключением Ломоносова никого, кто, обладая должными дендрологическими знаниями и гражданской самоотверженностью, мог бы так защищать научные деяния, которые направлены на благо России, как это было сделано в предисловии к книге Фокеля.

Еще меньше таких возможностей было у Санкт-Петербургской адмиралтейской коллегии. Достаточно напомнить, что руководство коллегии не могло выполнить монарший указ Екатерины II от 21 октября 1762 г. о печатании сочинения Фокеля без проволочек, а растянуло это дело на три с половиной года. Причиной же тому было лишь то, что коллегия не имела в своем распоряжении «правщика», знающего грамматику и способного устранить изначальную претензию Крашенинникова к стилистике этой работы, где слог «так темен, что местами разумети нельзя». Поэтому рецензент еще в 1752 г. предложил помимо неудачного русского текста иметь исходную рукопись на немецком языке, чтобы редактор издательства «сочинительевы мысли уяснил

³² Ломоносов М. В. Краткая история о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени [1764] (1865) // Полное собрание сочинений... Т. 10. С. 290.

³³ Там же.

лучше и грамматические погрешности исправил»³⁴. Лишь после долгих поисков Адмиралтейство нашло для этой цели учителя русского языка, знающего еще и немецкий язык, после чего книга Фокеля в улучшенном виде была опубликована в мае 1766 г. тиражом 1200 экземпляров³⁵.

Возможно, у кого-то возникнет мысль, что анонимным рецензентом мог быть кто-либо из тех двух «лесных знателей», которые приехали с Фокелем из Германии, но служили как и он форсмейстерами в Казанском адмиралтействе. Мелхиер Зелтер и Яган Фалентин работали в лесах по Волге, Суре, Свияге и другим рекам под началом капитана и советника Козлова. Фалентин уехал в Германию по истечении срока договора в 1734 г., а Зельгер остался в России, но в 1742 г. умер в Казани. Поэтому и эти специалисты не могли быть причастными к обсуждаемому изданию, тем более что они владели русским языком хуже, чем Фокель, работали с помощью переводчиков и не были авторами никаких публикаций даже на немецком языке.

Могут возникнуть и такие суждения, что помимо соотечественников Фокеля в столичном Адмиралтействе были также другие специалисты по лесному делу, хорошо владевшие русским языком. Так, например, упомянутый выше оберфорстмейстер коллегии Борис Никитин по своему более высокому служебному статусу должен был обладать и более высокими профессиональными знаниями, чем его подопечные форстмейстеры. Однако, как мы в том убедились, ни Никитин, ни другие высокопоставленные и знающие свое дело члены коллегии не взяли на себя ответственность по оценке рукописи подчиненного им лица, а лишь выразили предположение о возможности ее использования в качестве учебного руководства. Не исключено также, что устав этого по существу военного учреждения не давал им возможности принимать решения, связанные с публикациями, без санкции на то вышестоящих инстанций. Из сказанного следует, что в числе военно-морских служителей и иных чинов российского Адмиралтейства в начале 60-х годов XVIII в. не было лиц, которые бы не только хорошо владели русским языком, но и были способны дать квалифицированную оценку сочинению по лесоводству, написанному на немецком языке, но плохо пересказанному по-русски.

Особо следует обратить внимание на общность фразеологии анонимного текста, предваряющего книгу Фокеля, и некоторых сочинений Ломоносова с характерными лишь для него выражениями. Так, уже с первой фразы предисловия аноним начинает вести речь о домостроительстве как первейшей основе благополучия любого народа, затем тесно связывая его с земледелием. Он пишет:

Разумнейшие Государи и народы, одни зная, другие предупреждая свои недостатки, начали болше думать о *домостроительстве и земледелии* [...] (курсив мой. – Е. С.) смотря по состоянию обитаемых ими стран, и тем собственную ползу производить старались³⁶.

³⁴ Отзыв Крашенинникова и архивариуса Стафенгагена... С. 201.

³⁵ Дело о книгах и актах, напечатанных при корпусной типографии // РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1753. Д. 22. Л. 41.

³⁶ [Аноним (Ломоносов). Предисловие] // *Фокель. Описание естественного состояния растущих в северных Российских странах лесов...* С. 1–2; [Аноним (Ломоносов)]. Предисловие // *Фокель. Собрание лесной науки...* С. 61.

Понятиями «домостройство» и «домостроительство» (от старого русского слова «домострой») Ломоносов пользовался в ряде своих работ, в частности, при составлении «Мнения об учреждении государственной коллегии земского [сельского] домостроительства»³⁷. Ни у кого при его жизни не встречаются выражения и суждения о «домостроительстве», связанном как с отдельной семьей или поместьем, так и с «домостроительством» всего отечества, благополучие которого в силу своей исконной аграрной природы, прежде всего, зависело от земледелия. Исключая почти всех академиков-иностранцев, которые никак не высказывались о государственном домостроительстве и землеустройстве России, этой темы не было также в трудах И. Т. Посошкова, В. Н. Татищева, А. А. Вяземского и других современников Ломоносова, которые в той или иной мере были связаны с аграрным производством своей страны и писали о том³⁸.

К тому же, как положено главе Географического департамента АН, Ломоносов преломлял представления о состоянии «домостройства» в России через аналогичные условия и различные «состояния других обитаемых стран». Эти положения присутствуют и в анонимном предисловии к книге Фокеля, хотя в самой книге нет никаких суждений, связанных с домостроительством и земледелием ни России, ни иных стран. Автор предисловия, как и Ломоносов, пытался донести хотя бы с помощью такой публикации свои идеи о выработке общероссийских принципов научного подхода к землепользованию, в том числе и использованию леса, что способствовало бы успешному домостроительству всего государства. До создания Императорского Вольного экономического общества (1765) – первого сельскохозяйственного объединения в России, ставившего помимо прочих задач также решение различных аграрных вопросов с научных позиций, никто из академиков или иных просвещенных россиян 1750-х – начала 1760-х гг. не затрагивал названную проблему так, как ее поднимал Ломоносов.

Точно так же в сочинении Фокеля по дендрологии нет никаких упоминаний о российском монархе. Приглашенный в Россию благодаря инициативе Петра I Фокель нигде не апеллировал к его имени для придания большей значимости своему сочинению. Однако анонимный автор предисловия к книге Фокеля с особым почтением напоминает о *Петре Великом*, который в государственных интересах «поручил главное смотрение и попечение, как о всех вообще, так особливо о касающихся до мореплавания лесах...».³⁹ Данный факт также свидетельствует о том, что автором этого и других аналогичных выражений был не иностранец, а россиянин.

Теперь обратимся к Ломоносову, формирование научных интересов которого пришлось на период подъема национального самосознания, вызванного военными победами Петра I и его реформаторской деятельностью, что ска-

³⁷ Ломоносов М. В. Мнение о учреждении государственной коллегии земского домостройства [1763] (1871) // Полное собрание сочинений... Т. 6. С. 409–413, 600–602.

³⁸ См.: Алефиренко П. К. Русская общественная мысль первой половины XVIII столетия о сельском хозяйстве // Материалы по истории земледелия в СССР. Сб. 1. М. 1952. С. 511–552.

³⁹ [Аноним (Ломоносов). Предисловие] // Фокель. Описание естественного состояния растущих в северных Российских странах лесов... С. 2–3; [Аноним (Ломоносов)]. Предисловие // Фокель. Собрание лесной науки... С. 61.

залось и на становлении личности ученого. Для Ломоносова первый российский император всегда оставался идеалом человека и монарха-преобразователя, о чем свидетельствуют не только его героическая поэма «Петр Великий» и «Слово похвальное... Петру Великому», но и конкретные действия в Академии наук по становлению российской науки в интересах Отечества. В ломоносовских трудах этот правитель России всегда именовался *Петром Великим*, каким он предстает и у названного выше анонима, хотя не только в начале, но и при последующем царствовании Екатерины II не принято было столь высокопарно именовать предшествующих царственных особ. Возможно, предпочтение в предисловии к книге Фокеля не тому монарху, который дал в 1762 г. добро на ее публикацию, а предшествующей августейшей особе и могло быть одной из причин анонимности автора предисловия, инициированной издателями, которые обязаны были опубликовать эту книгу.

Изменение общественного положения Ломоносова в обществе не могло быть тайной для его современников. С воцарением Екатерины II придворная знать елизаветинских времен была смещена с государственных постов и заменена новыми царедворцами. Часть ученых Академии наук, и в их числе Ломоносов, лишились той поддержки, которую они имели в лице М. И. Воронцова, И. И. Шувалова и других меценатов. Ослабело влияние при дворе и президента Академии наук К. Г. Разумовского. В 1764 г. он был отстранен от ее управления. Хотя Ломоносов и отметил одой восшествие на престол Екатерины II, в глазах новой императрицы он оставался сподвижником неугодной ей придворной группы, игравшей существенную роль в государственной жизни при Елизавете Петровне.

Впрочем, Ломоносову приходилось анонимно публиковаться и тогда, когда он выполнял поручение самой Екатерины II. Речь идет об упомянутом выше задании императрицы в августе 1764 г. и связанной с ним анонимной «Заметкой об опытных посевах ржи и пшеницы, произведенных садовником Г. Я. Эклебеном», появившейся 7 сентября 1764 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» и включенной позже в собрание сочинений Ломоносова⁴⁰. Согласно сообщению Эклебена в той же газете от 31 июля 1772 г., Екатерина II «высочайшею своею особою по часту соизволили оное [...] растение посетить» и «притом соизволили указать покойному Статскому Советнику Ломоносову, чтобы он по точном освидетельствовании сего кусточка [...] сообщил о том публике через ведомости»⁴¹. Так спустя восемь лет после публикации анонимной «Заметки» с описанием опытов Эклебена стал известен ее автор.

Возникает вопрос: если данная заметка была написана Ломоносовым и опубликована при его жизни, да еще по прямому указанию самой императрицы, почему же это сообщение было анонимным? Было ли это сделано по желанию самого автора «Заметки», по указанию руководства Академии наук, по велению издателя газеты, в результате происков недругов Ломоносова, которых у него было предостаточно, или по иным причинам? А может быть, этим

⁴⁰ [Ломоносов М. В.] Заметка об опытных посевах ржи и пшеницы...

⁴¹ Цит. по: Иващенко А. З. [Андрей Эклебен] / Сост. В. В. Володин. Сеятели и хранители. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. Очерки об известных агрономах, почвововедах... С. 153.

автором был вовсе не Ломоносов? Никто над этим не задумывался, считая достаточным комментария о том, что

принадлежность заметки Ломоносова устанавливается на основании сообщения Г. Я. Эклебена, напечатанного там же (т. е. в Санкт-Петербургских ведомостях. — Е. С.) в № 61 от 31 июля 1772 г.⁴²

Если же исключить это утверждение, то нет никаких гарантий того, что анонимная публикация в «Санкт-Петербургских ведомостях» принадлежит Ломоносову, который никогда не печатался ни в одной из газет. Не исключено, что эту анонимную заметку мог составить сам Эклебен, чтобы прозондировать отношение общественности к своим опытам без оглядки на ее автора (такой шаг имел свой смысл: не зная автора, большинство читателей весьма откровенно сочли описанные опыты неубедительными, а некоторые из них даже склонны были подозревать Эклебена в обмане). Например, если сравнить стилистику газетной заметки со стилистикой текста отзыва на книгу Фокеля, выполненного по существу в те же годы, можно увидеть существенную разницу между ними. Между тем в лексике анонимной заметки (1764) и статьи Эклебена (1772) в «Санкт-Петербургских ведомостях» различий нет. К тому же во время написания заметки Ломоносов был очень нездоров и в основном лишь редактировал и подписывал должностные бумаги наряду с другими лицами.

Таким образом, у составителей собрания сочинений Ломоносова не было иных причин для включения в данное издание вышеупомянутой анонимной газетной статьи кроме утверждения самого Эклебена. Тем не менее, эта статья включена и в новое собрание сочинений Ломоносова.

Однако в то же издание включены некоторые анонимные произведения вовсе без всяких обоснований их принадлежности перу Ломоносова. Так, в отношении скандального «Гимна бороде» сказано:

Прямых документальных доказательств того, что автором этого стихотворения был Ломоносов, не отыскано. Сам он ни в одном из дошедших до нас документов не упоминает ни разу ни о «Гимне бороде», ни о тех последствиях, какие имело для него появление этого стихотворения⁴³.

За этой публикацией следует другой анонимный стих без названия, также включенный в полное собрание сочинений Ломоносова только потому, что согласно комментатору, «прямая связь публикуемого стихотворения с “Гимном бороде” весьма очевидна...»⁴⁴.

Можно назвать и другие стихи, принадлежность которых Ломоносову никак не доказана. В частности, комментатор анонимного «Гимна бороде

⁴² [Ломоносов М. В.] Заметка об опытных посевах ржи и пшеницы... С. 814.

⁴³ [Ломоносов М. В.] Гимн бороде [1756] (1759) // Полное собрание сочинений... Т. 8. С. 1060.

⁴⁴ [Ломоносов М. В. Стихотворение без названия] [1757] (1865) // Полное собрание сочинений... Т. 8. С. 1072.

суд»⁴⁵, авторство которого приписывали даже недругу Ломоносова А. П. Сумарокову⁴⁶, отметил:

Мы не имеем права утверждать с такой же уверенностью, как Пушкин, что публикуемые стихи принадлежат Ломоносову. Однако же ни в содержании стихов, ни в их форме нет ничего такого, что давало бы основание отрицать его авторство⁴⁷.

В результате мы можем констатировать, что принадлежащими перу Ломоносова признан ряд анонимных стихотворений только потому, что Священный Синод заподозрил в их авторстве Ломоносова или потому, что в том же был уверен А. С. Пушкин несмотря на то, что автором второго «Гимна» называли Сумарокова. Возвращаясь к основной теме данной статьи, хотелось бы знать критерии, которыми руководствовались составители собраний сочинений Ломоносова при определении его авторства, доверяя уверенности Священного Синода или Пушкина, но сомневаясь в тех же чувствах простых смертных, каковым является, например, автор настоящей статьи, у которого ничуть не меньше уверенности в том, что именно Ломоносову принадлежит вводное слово к книге Фокеля.

При подготовке данной публикации автору довелось познакомиться с электронным вариантом книги Г. И. Редько и Н. Г. Редько по истории лесного хозяйства России⁴⁸. В книге сообщается, что еще 19 ноября 1986 г. журналистка М. И. Солоухина в своей статье «Ломоносов и лесная наука» в газете «Балтийский луч» (Ленинградская обл., Ломоносовский район) обратила внимание на возможность публикации отзыва Ломоносова на рукопись Фокеля по лесоводству в качестве предисловия уже опубликованной книги (1766). Авторы не приняли, но и не отринули версию Солоухиной, полагая, что она «еще нуждается в дополнительной проверке и обстоятельной стилистической экспертизе»⁴⁹.

По нашему мнению, данный очерк вполне может рассматриваться как эта самая дополнительная проверка, а соображения, изложенные в нем, весьма убедительно доказывают, что автором предисловия к книге Фокеля был не кто иной, как Ломоносов. Поэтому данное предисловие как ранее неизвестная его публикация вполне имело право быть воспроизведенным в новом полном собрании сочинений ученого, которое готовилось к 300-летию со дня его рождения. Однако в силу ряда причин этого не случилось, и потому есть смысл эту неудачливую публикацию Ломоносова воспроизвести в приложении к данной статье. Если у кого-либо из ее читателей возникнет желание высказать о ней и о приведенных выше комментариях к ней свое критическое суждение, автор настоящей статьи будет весьма тому признательна. А пока она выражает глубокую признательность ответственному редактору шестого

⁴⁵ [Ломоносов М. В.] Гимн бороде за суд [1757] (1759) // Полное собрание сочинений... Т. 8. С. 830–836.

⁴⁶ Там же. С. 1206.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Редько, Редько. История лесного хозяйства России...

⁴⁹ Там же. С. 92.

тома нового издания полного собрания сочинений М. В. Ломоносова Вячеславу Васильевичу Фомину за его доброжелательные конструктивные замечания к изложенному выше материалу.

Приложение

[«Предызвещение» М. В. Ломоносова к книге Ф. Г. Фокеля (1766)⁵⁰]

Между прочими благополучие народов подкрепляющими основаниями, первейшее есть домостроительство. Но как положение обитаемого нами земного шара различно, так различно человеческое в содержании себя упражнение. Иных благодетельное естество питает ни за что, или за весьма малые труды, другие с не усыпным рачением, со изнурением и потом пищу свою снискивать должны. Иные преизобилуют во всем, другие, будучи и нужного лишены, живут на содержании и будтобы в наемничестве у других народов. Сие было причиною что разумнейшие Государи и народы, одни зная, другие предупреждая свои недостатки, начали больше думать о домостроительстве и земледелии, побуждая рачительных, нерадивых понуждая, незнающих наставляя и приводя к тому, чтоб они рачение свое прилагали, смотря по состоянию обитаемых ими стран, и тем собственную свою ползу производить старались.

Россию благословил Бог лучше многих других земель всеми, не токмо к содержанию, но и ко удовольствию человеческой жизни, служащими вещьми. Но долговременно ли изобилие без домостроительства? надежно ли довольство без умеренности? Возмем в пример одни леса, не дополна ли оными была Италия? не изобиловала ли немецкая земля? и ныне не великую ли во оных претерпевают скудость?

Чтоб таковомуж недостатку неподвержена была когда либо Россия, то премудрый Государь и домостроитель оныя ПЕТР великий поручил главное смотрение и попечение, как о всех обще, так особливо о касающихся до мореплавания лесах государственной адмиралтейской Коллегии, указав учредить, как к сбережению готовых, так и к разведению новых лесов, знающих и искусных людей. Сие государственное место старалось всегда иметь таковых людей в службе, и один из тех, есть сочинитель сея книги, который, будучи послан для описания растущих в северных частях России лесов, исполнил то с достохвалным рачением, и, по долговременному своему в практическом знании о лесах упражнению, написал в ней много нужных и внимание домостроителей заслуживающих примечаний. Одно только сожаления достойно, что книга сия напечатана после смерти сочинителя; ибо при помощи его

⁵⁰ Представленный ниже текст воспроизведен по первому изданию книги Фокеля (1766), так как во втором издании (1996) есть несущественные грамматические расхождения с первоначальной публикацией.

можно бы было оную представить в лучшем совершенстве, вместо того, что ныне принуждено было, выключая некоторыя в слоге подправки, следовать переводу учиненному от человека в ботаническом знании недополно упражнявшагося. И так, хотя книга сия и не может равняться с сочинениями ученых и в фисических науках с лучшим основанием упражнявшихся людей, однако столько нужного и полезнаго в себе заключает, что всякаго домостроителя и любопытнаго человека к себе привлечь, и к точнейшему изследованию леснаго в России искусства побудить может, тем болше, что о свойстве и разведении растущих у нас лесов никто еще ничего не писал.